

Ольга Арунд

Академия неконтролируемой магии

Ольга Арунд

**Академия
неконтролируемой магии**

«Автор»

2022

Арунд О.

Академия неконтролируемой магии / О. Арунд — «Автор», 2022

Я приехал в академию стихийников с одной целью — вернуть магию и прежнюю жизнь, чего бы это ни стоило. Правда, не ожидал, что цена окажется так высока. Смертельные ловушки, убийства, нападения на студентов и она — самая опасная стихийница в академии. Та, кого винят в происходящем и боятся одновременно. И именно с ней я должен договориться, чтобы получить шанс снова обрести магию. Вот только стоит ли это того? И успею ли я, если настоящий убийца уже идёт по моему следу? Цикл "Империя Оришан", книга 2

© Арунд О., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ольга Арунд

Академия неконтролируемой магии

Глава 1

Разбитое сердце забирает покой, моё прихватило ещё и жизнь.

Ту самую, в которой магия обеспечивала безбедное, прославленное и вполне себе идеальное будущее. Жаль только, что влюблённость не в ту девушку отняло у меня и то, и другое.

Натужный скрип ворот заставил поднять голову, но ничего не изменилось – всё тот же ледяной ветер, всё та же, переходящая в отвесные скалы, стена с зазубринами, всё те же стихийники.

В металлических воротах открылась калитка, высотой ниже моего роста, и вперёд вышел мрачный, видимо, маг. Потому что тёмные, заправленные в сапоги, штаны и тёмная удлинённая рубашка под горло, перехваченная широким кожаным ремнём с бляшкой так себе одежда для жизни в горах. Особенно, осенью. Под противным мелким не то снегом, не то дождём.

– Кто?

– Рикард Шалинберг, к ректору.

– Проходи. – Маг посторонился, и пришлось согнуться, чтобы не приложиться лбом о массивные ворота, а за ними... оставалось стиснуть зубы и терпеть.

Двор Академии неконтролируемой магии мало чем отличался от нашей академии. Совсем ничем. Ничем, кроме пары десятков разновозрастных стихийных магов, и сейчас все они провожали меня любопытными взглядами.

Вот только дружелюбие в них закончится в то самое мгновение, когда они узнают, что я боевой маг, который может победить любого из них. Мог бы, если бы не лишился почти всей магии и не собирался преподавать им контроль над стихиями.

Прекрасный расклад. Уверен, они останутся в таком же восторге, как и я. А пока приходилось идти, не отводя твёрдого и высокомерного взгляда от главного корпуса академии стихийников.

Магов, которых меня учили уничтожать.

– Вы же понимаете, что в нашей академии не случалось подобных прецедентов? – Собеседование с Оттельбергом длилось уже два часа. – Мы впервые принимаем на должность мага... такого, как вы. И, при всём уважении к вашему деду, ректору Оллэйстару и даже советнику императора, я не могу отменить испытательный срок.

– Этого и не требуется, ректор Оттельберг. Я понимаю ваши опасения.

Если старик надеялся вымотать меня многократно повторяющимися вопросами, то просчитался. Чтобы попасть сюда, мне нужны были рекомендации Оллэйстара, и я их получил, правда, после допроса в лучших традициях императорских ищеек.

Но кого это волнует, если ставкой служит собственная жизнь.

Поэтому долгий испытующий взгляд подтянутого и ухоженного, но всё же старика не впечатлил.

– Ну, что же. – Оттельберг демонстративно захлопнул папку с моим делом. Надо было облегчённо выдохнуть? Смешно. Он даже не представлял, к чему меня подготовила суровая школа деда. – Я рад приветствовать вас в Академии неконтролируемой магии, профессор Шалинберг. Надеюсь, мы окажемся друг другу полезными.

– Несомненно.

Рукопожатие оказалось удивительно крепким для того, кто до ужаса боялся императора. А уж то, что Оттельберг спрашивал у Лориана III разрешения на каждый лишний чих, при дворе прекрасно знали. Лучше, чем где бы то ни было.

– Все дальнейшие инструкции вы найдёте у тьерры Алкур.

Я хорошо помнил тьерру ещё по академии.

В конце моего второго курса все только и делали, что твердили о подающей надежды Аламеде Алкур. Слухи о том, что она получила распределение ко второму секретарю императора оказались правдой, вот только саму Аламеду не впечатлили ни место практики, ни перспективы. Вместо денег и славы, заработанных без особых усилий, ей хотелось приключений и настоящих дел.

Скандал вышел громким, а подробности того, как она кричала на собственного проректора, быстрее магических вестников разлетелись по академии. Когда разборки дошли до Оллэйстара, он прямо спросил, чего хочет Аламеда, и через неделю она отправилась к стихийникам. Под взгляды, наполненные священным ужасом и ненавистью.

За силу, которая в любой момент могла обернуться безумием, стихийников не любили столетия назад, их не любили тогда, и ничего не изменилось сейчас.

– Рикард Шалинберг. – Сложив перед собой руки, прищурилась Аламеда, стоило мне выйти из кабинета ректора. – Мальчик мой, ты, правда, пожертвовал магией ради девчонки, которая вышла за другого?

– Что ты, – опершись ладонями о секретарский стол, я смерил её оценивающим взглядом, – всего лишь потерял где-то между студенческими гулянками и жаркими ночами. Думаешь, стоит об этом жалеть?

Несколько мгновений мы обменивались взглядами, а после Аламеда звонко рассмеялась. Она и в академии была такой же – наглой, самоуверенной и не умеющей держать язык за зубами.

– Ты чудо, Рик. – Можно подумать, между нами не четыре, а сорок лет разницы. – Приходи вечером на чай, – подалась вперёд Аламеда, сверкая глубокого зелёного цвета камнями в вырезе рубашки, – отметим твоё назначение.

– Вечером я буду составлять планы занятий, – хмыкнул я в ответ и выпрямился. – Если ты, конечно, отдашь мне документы.

– Глупая та твоя девчонка, – покачала головой она и, наконец, вернулась к своим прямым обязанностям.

Глупая?

Нет, Аурелию Грасс глупой назвать не смог бы никто. Одна из лучших студенток в потоке, она прекрасно совмещала ночные прогулки в закрытую секцию библиотеки с незаконным заработком на заклинаниях и любовью к Оллэйстару. И можно было рвать на себе волосы, предлагать ей всё – от титула до состояния, Аурелия всё равно выбрала бы его – Ориана Оллэйстара, заслуженного боевого мага, друга императора и ректора своей академии.

Забрав у Аламеды бумажки, я направился к коменданту, который должен был показать мне комнаты. А в коридорах академии продолжали летать огненные искры, дрожать пол и, в целом, царил очень специфическая обстановка.

Аурелия тоже была стихийным магом – огненным, бесконтрольным, как раз таким, которому здесь самое место. Это понимала она, скрывая проклятый дар, это понимал я, по чистой случайности о нём узнавший. И готов был жениться, титулом герцогини, властью семьи и артефактами деда обезопасив её от бОльшей части опасностей нашего мира, но этого не хватило.

Что сделал Оллэйстар? Втянул её в дворцовые интриги, спас от свадьбы с советником императора и избавил от стихийного дара, который пытался сжечь хозяйку. Можно ли за это полюбить? Да.

Вот только чувство в её глазах появилось задолго до спасения, ещё на Зимнем балу. Тогда, когда все смотрели на их шаруар и мечтали хоть раз в жизни станцевать также – страстно, опасно, на самой грани. Я тоже мечтал, в отличие от многих всего лишь оказаться на его месте, но мне не повезло.

С другой стороны разочарование не помешало мне закрыть Аурелию от зелья, одной капли которого хватило бы, чтобы она мгновенно забыла и меня, и Оллэйстара, и шесть лет учёбы в академии. Вот только никто не знал, что лечение будет таким. Оказавшееся неправильно сваренным, «Забвение» могло меня убить, и дед рискнул. Целую ночь он держал меня в ванне с антимагическим зельем, дожидаясь, пока с кожи смоются все следы, и добился своего. Жизнь осталась со мной, правда, с магией такой фокус не прошёл.

Каменный пол вдруг содрогнулся, сбивая с мысли, академия заходила ходуном, а из двери передо мной вылетел вихрастый парнишка лет двенадцати.

– Простите, простите, простите, – вопил он, – я сейчас всё исправлю.

Треснули картины в деревянных рамах, по стенам пошли трещины.

– Олли Норлок! – раздалось громовое из той же двери. – Ты снова думаешь не о том.

– Земля мой друг, земля мой друг, – зажмурившись и скрестив пальцы, повторял парнишка.

И сиганул в открытое окно так быстро, что я не успел даже дёрнуться. Всё, что оставалось – метнуться к раме, выглянуть и увидеть как Олли Норлок, живой и здоровый, несётся по двору академии, скрываясь за одним из корпусов.

– Вы новый профессор? – Не ожидая услышать голос за спиной, я резко развернулся. – А этого я бы не советовала. – Высокая и худая, словно палка, женщина царственным жестом указала на боевую стойку, которая вышла у меня сама собой.

– Прошу прощения...

– Профессор Труберг.

– Прошу прощения, профессор Труберг, – выпрямившись, я попытался улыбнуться. Вышло плохо – такое количество стихийников вокруг нервировало, так что с улыбками пока не срасталось. – Привычка.

– С такими привычками они вас никогда не примут. – Она покачала головой и бросила взгляд за окно. – Почти все наши студенты оказались в академии принудительно, пойманные и отконвоированные вашими... коллегами. И у большинства из них отпечатались и эти ваши стойки, – она кивнула на меня, – и способы, которыми боевые маги их уничтожали.

– Ловили, – холодно поправил я. – Иначе бы они не учились сейчас здесь.

Если бы не я и мои коллеги, от империи стараниями свихнувшихся стихийников, не осталось бы и камня. Интересно, она и тогда была бы против наших стоек?

– Уничтожали, – в её взгляде появилась жалость, причём не к ним, ко мне. – Их веру, их надежды, их желание получить помощь, поэтому нам тут бывает так сложно. Потому что они уже не хотят помощи, они тоже хотят уничтожать.

Профессор Труберг бросила ещё один взгляд в окно, сухо улыбнулась и пошла в класс, а спустя пару мгновений вернулся Олли Норлок. Через окно. На третий этаж.

– Ой, – смутился он, когда меня увидел. – Здрасьте. – И помчался к двери. – Профессор Труберг, я всё! Я больше не буду вызывать земляных великанов, обещаю...

Рианы, дайте мне выжить в этом дурдоме.

– Вот и ваши комнаты, – подобострастно улыбнулся комендант преподавательского общежития.

Низкий и круглый, господин Беркли даже поклонился так, словно мы стояли в бальной зале императорского дворца, а не на пороге тёмной и пыльной комнаты.

– Если вдруг что, сразу зовите. Ваши вещи уже доставлены. Вот они. – Беркли прошёл внутрь, щелчком пальцев зажёл сразу три магических светильника и указал на дорожные чемоданы, стоящие у стола. – Обращайтесь вот прямо по любому вопросу.

– Почему здесь так пыльно? – Мельком осмотрев гостиную, холодно отозвался я.

– Пыльно? – удивлённо оглянулся комендант на диван, два кресла и стол. – Дак вы же сами можете... гхм. Конечно, одну минуту.

Беркли шепнул что-то, поднапрягся и сильно взмахнул ладонями. Мгновением спустя пыль исчезла, а гостиная наполнилась свежестью, словно здесь только что проветрили.

– Спасибо, дальше я справлюсь сам.

Поняв намёк, Беркли ещё раз поклонился, попятился и, бормоча прощание, вышел в коридор, захлопывая за собой дверь.

Я криво усмехнулся, выдохнул и сел на диван, запуская руки в волосы.

Даже такой слабенький маг, как Беркли мог зажечь сразу три светильника. Я смог бы только один. Смешно. Раньше с лёгкостью пробивал защитные поля учебных полигонов, сейчас не справлялся даже с простейшими бытовыми заклинаниями.

Оставалось надеяться, что дед прав и Оттельберг действительно знал способ вернуть магию, а вместе с ней и положенное мне место в этом мире. Вот только вряд ли он захочет этим способом поделиться. И найти бы, чем его можно шантажировать, но у деда не получилось – Гарриган Оттельберг оказался предан короне и императору, несмотря на нелюбовь Лориана III к стихийным магам. Ректор Академии неконтролируемой магии готов был умереть за своего императора, и в той же степени его боялся, не рискуя лишний раз появляться во дворце.

Встав, я направился к дальней стене, в которой обнаружили ещё две двери.

Спальня и ванная. Первая такая же пыльная, как и гостиная недавно, с покосившейся на один угол кроватью и без портьер, вторая – с подтекающим краном и такого размера, что с трудом хватало места для одного. Тяжело вздохнув, я перевернул правую руку запястьем вверх. Взгляд скользнул по четырём камням, вплавленным в широкий кожаный браслет – синему, зелёному, жёлтому и красному – они показывали величину магического резерва. Сейчас слабо мерцал жёлтый, а, значит, сил у меня осталось на одно-два простеньких заклинания.

Неудивительно, учитывая, что прогулка в горах выдалась та ещё. Нанятый утром экипаж оставил меня у подножия горы, и добираться пришлось пешком, продираясь через смешанный лес и дважды отбиваясь от каких-то мелких тварей. Дичь покрупнее то ли тут не водилась, обходя искажённое стихийниками магическое поле десятой дорогой, то ли мне просто повезло.

Хмык вырвался помимо воли.

Повезло, как же. Готов поспорить, что к академии вела и другая дорога, но Оттельберг, которому не оставили выбора с одной стороны моё имя и отличный диплом, а с другой настойчивая просьба нового императорского советника, просто мстил. Думал, что разнеженный герцогский сынок плюнет и не дойдёт?

Может, кого-то подъём по изрытой лесной дороге и остановил бы, но мне не просто так ставили оценки в диплом. На каких только полигонах нас не гоняли все шесть лет учёбы, и простой вечерний лес стал бы подарком для всей нашей группы боевых магов. Группы, в которой я так и не смог доучиться.

Тяжело вздохнув, я использовал заклинание уборки, и спальня стала хоть немного похожа на спальню. Перевернул браслет – жёлтый камень не светился. Просто прекрасно. Лимит моих магических подвигов на сегодня исчерпал себя и, взлохматив волосы, я пошёл разбирать вещи.

Глава 2

Этим вечером выйти из комнаты всё же пришлось – во-первых, ужин никто не отменял, во-вторых, большого выбора у меня не было. Неизвестно, сколько придётся здесь проторчать, а, значит, неплохо бы обзавестись новыми, и полезными знакомствами, помимо нагловатой Аламеды Алкур. Кем-нибудь достаточно умным, чтобы многое знать об академии стихийников и достаточно вежливым, чтобы не задавать лишних вопросов.

Пока задача представлялась даже сложнее сдачи практических выпускных экзаменов без какой-либо магии.

Увы, в академии стихийников переходами между корпусами не озаботились и пришлось выйти из преподавательского общежития, обойти главное здание академии и пересечь большой двор со скамьями, небольшими фонтанами, работающим несмотря на выпавший снег, и любопытными студентами.

Хотя, справедливости ради, студент был только один. Студентка. Очень странная студентка. Успев походить по академии, утрясая бытовые вопросы, я заметил их форму – ту же, в которой встречал меня маг у ворот. Тёмная удлинённая рубашка с высоким воротом, плотно сидящие брюки, высокие сапоги и ремень с бляшкой, на которой изображалась эмблема факультета – горы, капля, пламя или спираль в зависимости от стихии.

Эта девчонка была другой.

Первым делом в глаза бросался защитный костюм из кожи укавируса¹ цвета тёмного изумруда – облегающие, как вторая кожа штаны и куртка, ворот которой доходил до самого подбородка. Почти такой же костюм, как мой для тренировок, только зачем он ей? Сапоги из того же материала поднимались выше колена, а подобие юбки – кусок плотной ткани, соединяющийся на поясе, там, где должна крепиться пряжка с эмблемой факультета, только усиливал странное впечатление.

Но и это не всё – руки стихийницы скрывали перчатки, а волосы... я прищурился и вгляделся внимательнее, думая, что показалось. Тёмные и длинные, с синими и красными прядями, они развевались на ледяном ветру. И казалось, что отвратная погода не беспокоила её вовсе – девчонка улыбалась какой-то мягкой и тёплой улыбкой. С этой же улыбкой она сняла перчатку и коснулась земли.

Они тут все сумасшедшие.

Покачав головой, я продолжил путь ориентировочно в столовую, но по земле под моими ногами прошла едва заметная дрожь. Взгляд помимо воли метнулся к стихийнице.

Перчатки снова скрывали обе её руки, а перед студенткой покачивался на ветру ярко-красный бутон розы, которого ещё мгновения назад не существовало.

Столовая оказалась огромной. Нет, не так – она была гигантской, раз в пять больше нашей академической. И выглядела во столько же раз безумнее.

Надежда, что стихийники хотя бы за столом вели себя прилично, не оправдалась – вокруг царил всё тот же гвалт, шумный смех и всё те же стихии. Губы сами собой презрительно скривились.

Одним только стаашем, даже не пользуясь магией, я обезвредил бы как минимум нескольких из тех, кто сейчас ерошил ветром волосы соседей по столу, баловался с маленькими земляными человечками и кипятил отвар в собственном бокале. Рука дёрнулась к поясу,

¹ Укавирас – червяк, наподобие змеи. Не агрессивен, не ядовит, огромен. Шкура лёгкая и прочная, идеально подходит для изготовления защитной одежды и формы.

где последние шесть лет висел жезл – главное оружие боевого мага, но... на мгновение сжав руку в кулак, я выдохнул и пошёл по проходу.

Да, учили нас отлично.

Видишь стихию? Сначала бей, а потом думай. Стихийника? Сначала скрути, а потом решай безумный он или может контролировать собственную магию.

Хмыкнув, я продолжил идти к возвышению со столами преподавателей.

Чувствовал ли взгляды в спину? Ещё как – преимущественно любопытные, но это пока. Слышал ли шёпот? Не без этого. Не таясь, разновозрастные студенты перешёптывались, гадая, кого им подбросили на этот раз. Зато преподаватели смотрели без восторга, точно зная, какие проблемы принесёт им моё назначение.

Я тоже знал – они боялись. Оттельберг – того, что меня подослали ему специально – отыскать все грязные академические тайны и сверить расходование императорских денег с присланными им отчётами. Остальные – реакции студентов, когда они поймут, что я не в теории, а очень даже на практике могу уговорить любого из них.

Интересно, сколько потребовалось бы времени, чтобы обезвредить ту лиерру во дворе?

Выделялись во всём этом безумии лишь двое – профессор Труберг, которая смотрела на меня с явным неодобрением и пришибленный, пытающийся стать незаметным, молодой маг за дальним столом.

– Дорогие друзья. – Со своего места поднялся Оттельберг, оглядывая зал отеческим взглядом. – Рад представить вам нашего нового преподавателя по контролю над стихиями – Рикарда Шалинберга.

Встав рядом с ректором, я повернулся и одарил зал бесстрастной улыбкой.

– Профессор Шалинберг – блестящий выпускник Академии контролируемой магии, – продолжил Оттельберг, когда стихли жидкие аплодисменты. – Боевой маг, не раз заслуженно отмеченный руководством своей академии.

По столовой пронеслись шепотки, студенты переглянулись. За спиной послышался смех.

– И я искренне уверен, что невероятные успехи в боевых дисциплинах помогут профессору Шалинбергу установить тёплые и доверительные отношения с каждым из вас.

«Каждый» заметно помрачнел, я же продолжил слушать о своих достоинствах, за которые меня уже ненавидела половина академии.

– Некоторые личные магические обстоятельства заставили профессора сменить род деятельности, и я надеюсь, что вы отнесётесь к этому с пониманием, а профессор Шалинберг легко вольётся в нашу академическую семью. Добро пожаловать в Академию неконтролируемой магии!

Оттельберг повернулся ко мне с самым доброжелательным выражением лица. Я с понимающей усмешкой пожал крепкую старческую руку.

– Благодарю за гостеприимство. Уверен, что мы окажемся полезными друг другу, – повторил я его слова в кабинете.

Особенно Оттельберг – мне.

– Наверняка, – нервно улыбнулся ректор, правильно истолковав мои слова.

В последний раз бросив взгляд на мрачных уже студентов, я направился к столу. Единственное свободное место оказалось у того самого молодого профессора – если остальные разместились группами по четыре, он сидел в тоскливом одиночестве.

– Рик Шалинберг, – кивнул я, садясь рядом.

– Арек Вердебург, – дёрнулся он и едва не уронил со стола вилку. – Профессор Арек Вердебург, основы самопознания.

– Рад, – кивнул я, чувствуя на себе тяжёлые взгляды стихийников. – Кажется, я слышал ваше имя прежде.

– Имя? Ах, да. Да, конечно, – всплеснул руками Вердебург и всё-таки смахнул прибор со стола.

Извинился. Залез с головой под стол. Судя по звуку, с силой приложился о столешницу с той стороны. Сдавленно выругался. Вылез весь покрытый красными пятнами. И извинился ещё раз.

– Я... я преподавал в Академии контролируемой магии. Сначала практикантом, потом профессором, потом перешёл на боевой факультет, но почти сразу перевёлся сюда.

– Возможно, поэтому мне и знакомо ваше имя. – Вообще ни разу, зато есть шанс сойтись на почве давнего знакомства и выяснить что-нибудь важное.

– Можно Арек и на «ты». – Он протянул узкую ладонь с длинными пальцами.

– Рик. – Я ответил на рукопожатие.

Взгляд сам собой метнулся к ректору, который одной вступительной речью настроил подопечных против меня. Нелюбовь стихийников волновала мало, но в условиях почти полного отсутствия магии проще работалось бы с нейтрально настроенными студентами.

– Оттельберг от тебя не в восторге, – осторожно заметил Арек и смутился, когда я перевёл на него взгляд. – Представляя новеньких, он обычно ограничивается именем и должностью.

– Это взаимно, – хмыкнул я. На тарелках появилось овощное рагу и мы взялись за приборы – Арек за уроненный нож. – К счастью, любовь к начальству не входит в мои обязанности.

– Теперь и с любовью студентов будет сложно, – вздохнул он и подался вперёд, понижая голос: – Большую часть из них поймали и доставили сюда боевые маги – некоторых в антимагических ошейниках, некоторых обездвиженных заклинанием стазиса. И они всё помнят.

– Обойдусь без любви, я здесь не за этим.

Мне бы только найти способ вернуть магию и продолжить защищать империи от стихийников, а не учить магов, которые могут рехнуться в любой момент.

– А зачем? – Широко распахнул глаза Арек. Я усмехнулся.

– Учить, а для этого вполне достаточно страха. – И дедовских артефактов.

Снисходительно улыбнувшись, я, наконец, посвятил всё внимание своей тарелке.

Следующим утром идти по коридорам академии оказалось привычным – они мало чем отличались от коридоров нашей академии. Те же каменные стены, те же магические светильники, разве что пол у нас не подрагивал, в то время как здесь ноги то и дело чувствовали лёгкую вибрацию.

Страх не было. Не ощущалось даже волнения перед первой в своей жизни лекцией. Потому что у меня была цель? Может быть. А может быть из-за того, что впервые за пару месяцев на браслете светился синий камень – очень давно во мне не было столько магии. По сравнению с прошлым резервом – капля, по сравнению с вчера – бескрайнее магическое море.

– Доброе утро, студенты. – Никто из тринадцати присутствующих стихийников не пошевелился, продолжая заниматься своими делами.

Хмыкнув, я дошёл до стола и открыл журнал.

– Лиерра Ширкан? – Тишина. – Льер Брабург?

Студенты продолжали обсуждать знакомых, смеяться и сидеть прямо на столах. Бунт? Смешно.

– Малин. – Не зря я полночи знакомился с правилами и уставом академии. Передо мной возник призрачный искрящийся шар диаметром с локоть. – Отсутствующие и освобождённые в группе И-666.

– Все четырнадцать студентов допущены к занятиям, – отозвался привязанный к академии ещё на этапе строительства дух.

Был ли он душой, которая добровольно принесла себя в жертву? Не осталось ни одного некроманта, чтобы это узнать, но жизнь преподавателям Малин облегчала ещё как.

– Прекрасно, тогда пригласи к нам лекарей, уважаемые студенты заразились ушной болезнью, требуется лечение.

– Слушаюсь, – мелодично пропел дух и испарился.

Слышащие меня студенты напряглись, но продолжили делать вид, что меня здесь нет. Хмыкнув, я присел на стол и скрестил руки на груди.

Разноцветные шевелюры, громкий смех, обилие звенящих украшений или их полное отсутствие – студенты группы И-666 выглядели как шуты из гастролирующего шапито, и вели себя также.

Это просто они ещё не знали, какую редкостную дрянь заливали в уши от ушной болезни. Я знал. Пришлось как-то прочувствовать на себе, так потом ещё два дня уши горели изнутри и чесались так, что проще было их обрезать, чтобы не мучиться.

Вот только Малин сказала о четырнадцати студентах, а передо мной строили из себя самых умных тринадцать.

Ещё раз внимательно пересчитав ничего не подозревающих стихийников, которые разошлись до того, что в воздухе появились огненные силуэты, я обратился к углам.

Да не может этого быть.

В самом дальнем и тёмном углу аудитории сидела лиерра из двора – та самая, что вырастила розу за несколько коротких мгновений. Глубокой осенью. Посреди снега. Сквозь каменную брусчатку. И сейчас она сидела, рисовала что-то карандашом и не обращала на мир вокруг никакого внимания.

– Профессор Шалинберг? – Дверь открылась, вошёл лекарь в белом халате. Яркий лекарственный аромат поплыл по аудитории, привлекая внимание студентов. – Лекарь Ниррет Тьерк.

– Прошу вас, лекарь Тьерк, приступайте. – Я махнул рукой в сторону забеспокоившихся студентов.

– Вы уверены, профессор? – осведомился высокий и крепкий Тьерк, доставая из кармана флакон с лекарством.

– Ничем мы не больны, – мрачно басом отозвался квадратный и массивный стихийник с эмблемой факультета земли на пряжке. – Профессор неправильно всё понял.

– Вы же знаете, – игнорируя льера, обратился я к лекарю, – главный признак ушной болезни – выборочная глухота и сыпь по краю ушной раковины. Глухоту я могу подтвердить, а высыпания вы можете проверить сами.

Вот только десятью минутами раньше, накладывая прицельное заклинание сыпи, я метил в группу из тринадцати студентов, не зная о наличии ещё одной лиерры.

– Студенты, прошу по одному подходить ко мне, ушная болезнь не шутки. Или хотим совсем лишиться слуха?

Лекарь Тьерк с моего разрешения поставил небольшой саквояж на преподавательский стол, в то время как я отошёл, привалился плечом к стене и ироничным взглядом провожал каждого из самых умных. Естественно, всех с очень специфической сыпью.

Не надо злить боевого мага. Особенно, если у него отличный диплом и лекарское дело в качестве факультатива.

– Льерра Киндерен. – Тьерк поднял взгляд на ту самую студентку. – Будьте добры, – и красноречиво указал на место перед столом.

– Я не больна, – неожиданно глубокий и мелодичный голос заставил вскинуться и рассмотреть лиерру внимательнее. Проблема, учитывая, что её угол и, правда, оказался тёмным.

– И всё же, – улыбнулся Тьерк и, раздражённо выдохнув, лиерра Киндерен поднялась с места.

Самое удивительное, что за её высокомерным спуском наблюдал не только я. Вся группа следила за одной отдельной взятой студенткой, словно они впервые её видели. Больше того, маг

земли, который решил, что не только самый умный, но и самый здоровый, вовсе отодвинулся, когда она проходила рядом.

– Прошу вас, лиерра, откиньте волосы.

Какое-то хитрое движение затянутой в перчатку руки и длинные разноцветные локоны в мгновение стянулись в пучок на затылке. Такой же, как носила Аурелия во время лекций.

Тряхнув головой, я отогнал странные мысли.

И, естественно, лиерра Киндерен стала единственной здоровой студенткой в этом помещении.

– Что же, лиерры и льеры, – покачал головой лекарь, – к моему большому сожалению, профессор Шалинберг прав – вы заражены. Сейчас каждый из вас снова подойдёт ко мне для того, чтобы закопать в уши это лекарство. – Тьерк поставил перед собой флакон с тёмной смолянистой жидкостью. – Кто будет первым?

Главная особенность ушных капель состояла в том, что нужный эффект приходил не сразу. И, с ухмылкой наблюдая за студентами, которые думали, что легко отделались, я точно знал, что сегодня на обеде мы не досчитаемся группы И-666.

Всех, кроме лиерры Киндерен.

Глава 3

Обед прошёл весело.

Для меня весело, потому что студенты ещё больше перешёпывались, враждебно косились на меня, но смеяться больше не думали. Всё-таки страх – лучшая мотивация, я оказался прав.

Неудивительно, учитывая какую школу пришлось пройти мне. Самый известный артефактор в империи, герцог, ближайший соратник прошлого императора по совместимости стал и дедом, посвятившим всё свободное время моему воспитанию. Своеобразному воспитанию, учитывая сложный характер и силу Исгарда Шалинберга.

Дед искренне считал, что лучше всего ошибки постигаются на собственном опыте, и, начиная с пятилетнего возраста, я, боясь сказать слово против, послушно топился, травился и калечился, пока не научился превращать свои слабости в преимущества. И пока не выучил наизусть большую часть дедовской библиотеки.

И был счастлив, когда замечал едва заметную, одобрительную улыбку деда.

Поэтому учёба в академии мне давалась не то чтобы легко, я её практически не заметил. Интереснее всего и мне, и братьям Делабергам – бессменным друзьям и племянникам императора, которым тоже в детстве досталось, были занятия на полигонах и вот тут-то мы показывали полную силу. Ту самую, которая восхищала преподавателей и давала нам право на маленькие шалости. Для нас, воспитанных далеко не в тепличных условиях, маленькие, но вызывающие у остальных трепет и зависть к нашей вседозволенности.

Просто никто из завистников не догадывался, как мы огребали, стоило вернуться домой. И как радовались хотя бы глотку свободы на протяжении девяти месяцев учёбы вдали от высококородных близких.

Так что стихийники могли радоваться, что учить их приехал я, а не Исгард Шалинберг, который без всякой магии организовал бы карцер за одну только сегодняшнюю выходку.

– Добрый день, студенты. Меня зовут профессор Рикард Шалинберг, я буду преподавать вам контроль над стихиями.

Эта группа оказалась моложе самых умных лет на десять, и среди этих оказался уже знакомый мне Олли Норлок. Что они тут делают-то с такими малявками?

– Добрый день, профессор Шалинберг, – нестройно отозвались студенты, старшему из которых едва перевалило за двенадцать лет.

– Для начала давайте познакомимся, – со вздохом обводя их взглядом, я прошёл к столу, но садиться не стал. Забитые, зажатые, неадекватно весёлые, наивные – каких только детей тут не было.

Детей. Рианы, и за что мне такое счастье?

– Профессор Шалинберг, вас вызывает ректор. Срочно. – На мгновение передо мной появилась Малин и исчезла сразу после сообщения.

Удобно, учитывая, что магические вестники стихийным магам недоступны, как и почти все заклинания обычных магов.

– Отложим знакомство, – покачал я головой. – Откройте тетради, расчертите лист на две половины и в каждой перечислите все свои слабые и сильные стороны. И не шумите, если не хотите заболеть ушной болезнью, как группа И-666, – хмыкнул я, глядя как они разом втянули головы в плечи, и пошёл, судя по всему, на ковёр.

– Профессор Шалинберг. – Оттельберг сидел за столом со сцепленными в замок пальцами. – Объясните, что сегодня произошло с группой И-666.

– Группа в полном... почти полном составе заразилась ушной болезнью. – Сесть мне не предложили и, расставив шире ноги, я сцепил руки за спиной. Так мы встречали профессоров, и Оттельберг, смерив меня взглядом, скривился. – Как только появились подозрения, я вызвал лекаря, который подтвердил болезнь и произвёл лечение.

– Тогда почему группа в полном составе не явилась на послеобеденные занятия? – Раздул ноздри Оттельберг.

– Это мне неизвестно.

То есть лиерра Киндерен тоже решила саботировать?

– А вам известно какой эффект имеет лекарство от ушной болезни?

Хлопнул бы ректор по столу, я бы, может, впечатлился, но он лишь сверкал глазами из-под кустистых бровей. Надеюсь, что я стану каяться?

– Да, я испытал его на себе, поэтому сразу распознал симптомы. Ректор Оттельберг, это всё, что вы хотели узнать? – Я поднял бровь. – У меня осталась без присмотра группа О-112, а, учитывая их возраст...

– Идите, – недовольно махнул рукой он. – Хотя, подождите. – Оттельберг вдруг воссиял такой счастливой улыбкой, что неуютно стало даже мне. – Раз вы, Рикард, такой прекрасный специалист, я отменяю ваш испытательный срок.

Вот так просто?

– Благодарю. – Я едва склонил голову, подозревая, что настоящие неприятности начнутся прямо сейчас.

– У каждого преподавателя есть подопечные, которых они курируют и готовят к ежегодной комиссии. Раз вы теперь официально состоите в штате академии, то и вам положен надзорный студент. – Оттельберг встал и задумчиво коснулся подбородка. – Кого бы вам назначить...

Можно подумать, старик всерьёз размышляет.

Не подавая вида, я ждал его решения. Выбора всё равно нет, а так я узнаю, кто у них самый проблемный, другого мне явно не назначат.

– Вот! – Я поднял взгляд на счастливого ректора. – Прекрасный стихийный маг, сильный, умный, с интересной историей. – Это в смысле в прошлом тоже всё плохо? – Вы как раз познакомились сегодня.

Надеюсь, это не тот маг земли, который решил, что самый умный. С ним мы точно не сработаемся.

– Вашей подопечной будет Аделин Киндерен, группа И-666.

В аудиторию я вернулся перед самым звонком – Олли Норлок вместе со своими одногруппниками старательно писали что-то в тетрадах, не поднимая головы. Оказывается, не все здесь такие наглые, как группа И-666.

– Так, закончили? – Кто-то кивнул, кто-то мотнул головой, а кто-то поднял затравленный взгляд. – Тогда это останется заданием на следующее занятие. Подумайте хорошенько, что вам даётся легко и просто, а над чем приходится постараться, и запишите в столбики.

Светлая девчушка со среднего ряда несмело подняла руку.

– А если я хорошо рисую? – Под конец вопроса её голос стал почти неслышен.

– Значит, это и пишите. – Раздался громкий звонок. – Все свободны.

Надо было подумать и, пользуясь пустым расписанием, я направился на поиски библиотеки. Нашёл быстро и даже без подсказок, и не удивился, увидев за одним из столов Арека. Уверен, он тут практически живёт.

– Кураторство, что ты о нём знаешь? – сев напротив, сходу начал я.

– Рик? – Прижав руку к сердцу, испуганно выдохнул он. – Зачем так пугать?

– Привычка, так что с кураторством?

– Ты же вроде на испытательном сроке, – нахмурился Арек. – А, вообще, ничего сложного. Тебе назначают студента, за которым ты приглядываешь, и с которым время от времени встречаешься, чтобы подготовить его к выпускной комиссии. Бывают, конечно, сложные случаи, но чаще всего кураторство вещь номинальная, просто для галочки. – Он оглянулся, подался вперёд. – А зачем тебе?

Мне вообще не сдалось.

– А что не так с Аделин Киндерен?

Имя оказалось роковым – Арек резко дёрнулся, толкнул локтем книгу, та задела ещё одну и тишину библиотеки разорвали громкие шлепки толстенных справочников о каменный пол. Арек бросился их поднимать, запнулся о ремень своей же сумки и растянулся рядом с громким ругательством. Встал, оглянулся на раздражённого библиотекаря, состроил просительную мину и только после этого навёл порядок.

– Занятная лиерра, – хмыкнул я, глядя на всё это представление. – Ты в неё влюблён, что ли?

– Совсем уже? – зашикал на меня Арек. – Думай, что говоришь! Просто Аделин Киндерен... особенная.

Даже страшно представить насколько.

– И в чём её особенность? – Прыщи? Бородавки? Хвост?

– У неё сразу три стихии, – он мрачно поднял на меня взгляд. – Огонь, вода и земля. От неё отказались все кураторы, она живёт в академии уже больше пятнадцати лет и... – Арек нервно дёрнул щекой. – Она ненавидит боевых магов, потому что они убили её семью.

А Оттельберг знает толк в мести. Не удивлюсь, если девчонка – единственная стихийница с тремя дарами на всю империю. И досталась она единственному на всю империю боевому магу без магии.

Отличная из нас выйдет парочка.

– Почему так долго? – Арек непонимающе нахмурился. – Льерра Киндерен, почему она так долго живёт в академии?

– Может, тебе кто-нибудь другой расскажет? – Он опустил взгляд на карандаш, который нервно крутил в пальцах. – Или спроси у неё самой, ты же теперь вроде как куратор...

– У меня, конечно, дрянной характер, но чтобы так быстро надоест нового знакомому... – усмехнулся я. – Подозреваю, что ответит она пульсаром. В голову.

– Стихийники не умеют создавать пульсары, их магия непредсказуема и подчиняется...

– Да в курсе я, в курсе. – Переплетя пальцы, я поставил на них подбородок и задумчиво уставился на Арека. – Замени пульсар на огненный шар и результат будет ещё предсказуемее. Ректор потом с большим удовольствием передаст родственникам урну с оставшимся от меня прахом.

– Не всё так... – Арек осёкся, посмотрел на меня, вздохнул. – Ладно. В общем, там такое дело, родители Аделин были стихийниками.

– Не может этого быть, – издевательски протянул я.

– Ты будешь слушать или выпендриваться? – рявкнул вдруг Арек, заставив меня поднять бровь. Правда, он тут же побледнел, покраснел и таки разломил несчастный карандаш пополам. – Извини, я... они занимались какими-то опытами, но безумными не были. Когда пришли боевые маги, родители Киндерен раскидали почти всех, но уйти не смогли всё равно. Их уничтожили на месте – за что и почему не знает никто, а саму Аделин отдали в приют.

– Стихийницу и в приют?

– Вроде как её проверяли, но не нашли признаков стихийной магии, – вздохнул Арек. Вот так взяли и не нашли?

– И когда они поняли, что ошиблись? – криво усмехнулся я.

Арек дёрнулся, оглянулся, подался ближе и понизил голос до зловещего шёпота:

– Когда забирали её с пепелища, которым стал дом для сирот. Она единственная выжила в жутком пожаре, даже кружево на вороте ночной рубашки не обуглилось, но проявитель снова промолчал.

Какие подробности. Интересно, про кружево это академические сплетники придумали?

– И сколько приютов успела сжечь милая малышка? – ровно отозвался я, тщательно контролируя каждое слово.

Потому что надо быть шаргховыми идиотами, чтобы засунуть отпрыска стихийников к обычным детям. Даже если промолчал выявляющий силу артефакт.

– Оттельберг забрал её в академию сразу после этого, – нервно дёрнул подбородком Арек. – Хотя как забрал, она не подпускала никого, и пришлось погрузить её в стазис стараниями десятка твоих коллег. Вот только...

– Да говори уже, – скривился я.

– Когда в семь лет у лиерры Киндерен проявилась водная стихия, она... – Арек снова дёрганно оглянулся по сторонам, хотя в библиотеке, кроме нас и библиотекаря, никого не было.

– Кого?

– Что?

– Кого она убила на этот раз?

Действительно, бедные запуганные и беззащитные дети. Всё, как и говорила Труберг, только она забыла, что многие из её беззащитных – убийцы.

– Ирму Хольд, своего куратора и... – Арек бросил на меня пугливый взгляд. – Преподавателя по контролю над стихиями.

Глава 4

Бешенство отпустило на третьем пролёте лестницы. На четвёртом включился мозг, на пятом пришло понимание, что это очень плохая мысль. В коридоре я почти остановился, но рука уже рывком распахнула дверь приёмной.

– О, Рик, чай ещё в силе... Рик!

Поздно – пара мгновений отделяло меня от ректорского кабинета, так что и обаяние, и возмущение Аламеды пролетело мимо.

– Что-то случилось, профессор Шалинберг? – Оттельберг невозмутимо поднял взгляд от бумаг.

– Согласно академическому уставу куратор может отказаться от подопечного, если считает, что принесёт больше вреда, чем пользы. – Вежливая улыбка, спокойный тон. И ни капли ярости, что кипела сейчас внутри. – Полагаю, что для лиерры Киндерен кураторство боевого мага будет особенно тяжело и прошу назначить мне другого подопечного.

– Другого? – задумчиво подвигал челюстью Оттельберг. – Другого...

Он вышел из-за стола, прошёл к стоящей тут же картотеке и открыл один ящик.

– Почему вы решили, что кураторство будет в тягость? – Старик обернулся на мгновение, а после открыл другой ящик.

– Меня посвятили в историю лиерры. Гибель родителей, уничтожение приюта и последующие события не могли на отразиться на её отношении к боевым магам.

– Но вы же не маг, – напомнил Оттельберг. Как будто об этом можно забыть.

– Поэтому я и считаю, что для лиерры подойдёт кто-то, не связанный с боевыми магами и более сильный.

Рианы, кто бы знал, чего мне стоило договорить! Без пауз, в прежнем тоне. Чувствуя, как сдались лёгкие, не давай сделать новый вдох.

Более сильный.

Да хотя бы просто сильный, потому что при самом плохом раскладе истерику стихийницы с тремя дарами мне не остановить, даже обвешавшись с головы до ног бериллом. Страх? Нет, страшно было за Аурелию, здесь всего лишь желание выжить.

– Раз вы так думаете... – Оттельберг достал несколько личных дел из разных ящиков и вернулся за стол. – Конечно, у нас есть ещё студенты, которым нужно кураторство. Прошу, профессор Шалинберг, выбирайте. – Он щедро указал на пять досье, лежащих на столе.

Хотя бы кто-то из них должен быть лучше, чем лиерра Киндерен.

Бегло просмотрев первую папку, я взял вторую. Потом третью. Потом поднял взгляд на дружелюбного Оттельберга и в оставшихся двух обратил внимание лишь на одну строчку.

Да он издевается!

– Кого выбрали? – с искренним участием спросил старик. – Эдмонд Клобберг, кстати, неплохой вариант, да и приехал сюда сам. Опять же, учится он очень и очень...

– Ему пять.

– Тем легче, – обрадовался Оттельберг. – В этом возрасте они ещё умеют слушать и слушаться. Но, если не хотите Клобберга, как вам Мелисса Крикс?

Лиерре Крикс было семь. И она оказалась самой старшей из них всех.

– Подозреваю, что вы ещё не успели ознакомиться со всей территорией академии и не знаете, что за основными корпусами в отдалении стоит ещё один. – Я поднял взгляд на Оттельберга. – Там учатся студенты, которым ещё не исполнилось десяти лет. Уверен, любой из них с радостью станет вашим подопечным.

Я смотрел на старика, он на меня, и мы оба понимали, что выбора нет. Потому что воспитать группу в полном составе и ничего за это не получить – фокус, там недоступный. С

детьми же, которые едва вылезли из колыбели, придётся нянчиться сутками, а это точно не мой уровень.

– Так что, кого из них обрадовать? – Оттельберг кивнул на личные дела. – И, раз вы прочитали академический устав, то должны знать, что не можете отказаться от кураторства, не потеряв работу.

В курсе.

– Никогда не сомневался в вашей компетентности, – едва склонил я голову. – Вы выбрали лучшую кандидатуру. Благодарю за заботу.

Последнее – с изрядной долей ехидства, но что с того, если Оттельберг вовсе не скрывал насмешки, бросая мне в спину:

– Обращайтесь в любое время.

А вечером грянул гром.

«Вестник Оришана». Первая полоса. Оскант.

Бросив взгляд на Арека, трясущимися руками открывшего статью, я с усмешкой продолжил ужин. Значит, император с Оллэйстаром пошли ва-банк. Почему? Кроме двух интриганов не узнает никто, но причина точно была.

Потому что минерал, способный лишить не всей, а только стихийной магии оказался у них в руках задолго до сегодняшней статьи. Если верить письмам Аурелии, которая лично во всём этом участвовала, они вскрыли шкатулку и достали оскант ещё в начале года, сразу после казни советника. Того самого Джакобо Эвилонберга, который был дядей императора, главой имперской канцелярии, женихом Аурелии и магом, последние пятьдесят лет расшатывающим трон под императором.

Но предателя поймали, заговор раскрыли, а всех участников казнили прилюдно, впервые за всё время правления Лориана III. И пусть в своих письмах Аурелия не говорила всего, но мне хватало её намёков, того, что узнавал дед и собственных мозгов, чтобы понимать, что грядёт что-то серьёзное и во главе этого что-то стоит император с Оллэйстаром.

Удивительно, кстати, что, наполненные виной и горечью, письма Аурелии до меня всё же доходили. Оллэйстар не знал о нашей переписке? Или считал, что нет причин беспокоиться? В любом случае её послания, даже самые нейтральные, разрывали в клочья всё моё показное равнодушие. Поэтому на предпоследнее её письмо я ответил резко и определённо, а на последнее не ответил вовсе.

И сейчас это жгло даже больше потери магии.

– Ты... ты... ты видел? – заикаясь и теряя очки, Арек протянул мне газету. – Это... это же...

О да, Лориан III знал, как и что объявлять.

«Невероятная удача», «ценой жизни преданных магов», «шанс для всех нас» – страница пестрела высокопарными лозунгами, и стихийники верили. Гробовая тишина столовой то и дело разрывалась судорожными вздохами, не верящими восклицаниями и атмосферой общего восторга. Наивные.

– Видел, – бросив взгляд на страницу, я отпил кофе.

Обойтись бы отваром, но бессонница мне ещё пригодится – навешанное кураторство обязывало хотя бы сделать вид, что я пытаюсь помочь девчонке Киндерен. Мне нужно время, а, значит, придётся придумать, как общаться с лиеррой так, чтобы Оттельберг не смог придраться. Иначе с таким отношением он воспользуется первой же промашкой и вытурит меня из академии.

– Ты не понимаешь? – едва не подпрыгнул на месте Арек. – Это же шанс для всех нас! Шанс избавиться от ненависти и предвзятого отношения к стихийникам! Шанс для них на нормальную жизнь!

То есть наивные тут не только безголовые студенты?

– Как думаешь, почему сейчас? – хмыкнул я. – Почему император объявил о находке не вчера, не месяц назад, а сегодня и так? Чтобы новость точно не пропустил никто из жителей империи.

– Так ведь нашли, – растерялся Арек. – Смотри, «стараниями умнейших умов империи и ценой жизни нескольких преданных магов был извлечён оскант – минерал, который станет спасением для стихийных магов и всей империи».

– Ага, – усмехнувшись, я обвёл саркастичным взглядом гудящий зал, – достали и сразу побежали строчить статью. Не проверив возможности камня, не проведя опытов, не выбирая лучший момент. – Арек смотрел на меня так наивно, что я ощутил себя разрушителем детских мечтаний. И снова усмехнулся. – Не смеши, ты же умный и не мог поверить во всю эту чушь.

– Хочешь сказать, вестник врёт? – он обвёл несчастным взглядом восторженных студентов, которые не могли говорить ни о чём другом. Как же, для многих это шанс выйти из тюрьмы, для вида названной академией. – Но как же они? Они же дети, они будут надеяться на спасение...

– Никто не может спасти их, кроме них самих. – Я поднялся. – И чем раньше они это поймут, тем всем будет легче.

А утром меня ждал сюрприз.

Во-первых, все четырнадцать студентов группы И-666 почтили своим присутствием моё занятие. Во-вторых, все они сидели на своих местах и поднялись при моём появлении. И в-третьих, выражения лиц у них были мрачными, а взгляды не выпавшимися, что особенно грело душу.

– Итак, начнём заново? – Не открывая журнал, я присел на преподавательский стол и обвёл по очереди всех студентов.

Лиерры опустили глаза, льерры выверились бы, но групповой приступ ушной болезни поставил мозги на место. Не факт, что надолго, но радовало даже это. И только Аделин Киндерен не подумала отрываться от своих записей.

Интересно, ей уже сообщили о кураторстве?

– Меня зовут профессор Рикард Шалинберг, я с отличием окончил Академию контролируемой магии по боевой специальности и у вас не хватит фокусов, чтобы меня впечатлить. – Я с ухмылкой остановил взгляд на том самом квадратном маге земли. – Имя.

– Томас Брабург, – скривился льер, но ответил, а это уже половина успеха.

По аудитории прошла дрожь, рядом со мной вздыбился каменный пол.

– То есть всё так плохо? – хмыкнул я.

– Аудитория С-183, неконтролируемый стихийный выброс, уровень опасности четвёртый. – Передо мной возникла Малин и, отчитавшись, пропала.

Четвёртый это самый безопасный? Судя по тому, что удалось изучить за две ночи – да.

– Льер Брабург, вы не в состоянии контролировать свою неприязнь? – поднял я бровь. Брабург закономерно отмолчался. – Ла-а-дно. Кто здесь ещё меня ненавидит?

Не ожидавшие вопроса, студенты переглянулись. Все, кроме Аделин Киндерен, чьего царского внимания мы явно не заслуживали.

– Смелее, – скрестил я на груди руки. – Или после первого занятия у вас поубавилось храбрости? Не думал, что расхваленные стихийники такие трусы...

По каменному полу пошли трещины, ураган сбросил со столов тетради и двумя воронками направился ко мне, шкаф с книгами загорелся в мгновение и сразу весь.

– Аудитория С-183, неконтролируемый стихийный выброс, уровень опасности третий.

Интересно, что тогда входит в первые два.

И есть вероятность, что такими темпами я это узнаю. А пока я рассматривал студентов, не отвлекаясь на бушующие за защитной сферой стихии. Студенты... интриговали. Кто-то обхватил голову руками и изо всех сил сцепил челюсти. Кто-то отрешённо смотрел в никуда, как лиерра на втором ряду, а в её глазах тем временем бушевало пламя. Кто-то пытался меня утопить, водя руками, но хилая волна не поднялась выше подошвы ботинок. Не поднялась бы, если бы смогла преодолеть сферу, наколдованную дедовским артефактом.

В общем, цирк он цирк и есть.

– Полегчало?

Не знаю, чего они ждали, но точно не насмешки. Потому что, напоровшись на неё и на отсутствие страха, все эти их ураганы, землетрясения и пожары вдруг потеряли ориентиры и утихли сами собой за несколько секунд.

– Мне одному кажется, что силу стихийников сильно преувеличивают или вы тоже прочувствовали? – издёвку они тоже прочувствовали, но половина бессильно откинулась на спинки стульев, часть побледнела, а остальные зло сверкали глазами и только.

– Все аудитории в академии покрыты тонким слоем толчённого берилла. – И снова этот голос. – Это ограничивает наши силы и служит гарантом безопасности. Профессор, – с ехидной насмешкой добавила Аделин Киндерен, встречаясь со мной взглядом.

– И насколько ограничивает?

– Вполовину точно, – пожала она плечами и равнодушно вернулась к своим записям.

То есть эти безголовые студенты всё же опасны? Или нет?

Настоящих стихийных магов я видел – отличившихся пяти и шестикурсников боевого факультета брали в рейды и ищейки, и боевики. Может, поэтому и не пугали эти жалкие потуги – те, которые настоящие походили на рианов, если бы тем вдруг вздумалось вернуться в наш мир для того, чтобы его уничтожить. Ярость, безумие, смерть – вот всё, что читалось в глазах тех, кто больше не мог контролировать ни себя, ни свою магию.

Эти тоже не могли, но считать их опасными?

Хмыкнув, я задумчиво постучал пальцами по столешнице.

– Малин. – Вот уж кто не разочаровывал, так это яркий и тёплый шарик. – Найди нам свободный полигон.

Глава 5

– Профессор Шалинберг, – холодно поздоровалась Труберг, наткнувшись на меня в холле академии. Потом зацепилась за Брабурга, цепко осмотрела всю группу дальше и вернулась ко мне. – Что вы делаете?

– Учу, – усмехнулся я и собрался продолжить путь, но не получилось.

– Профессор Шалинберг, – заставив поднять бровь, с нажимом обратилась она, и пришлось поменять планы.

– Куда идти вы знаете, – обернулся я к группе И-666. – Узнаю, что не дошли, свернули или дошли, но не в полном составе, вспомню об ушной болезни и лекарском факультативе. Это понятно? – Судя по мрачным взглядам очень даже. – Тогда вперёд и ждёте меня там.

Стоя в холле у подножия лестницы, мы с профессором Труберг переждали, пока последний из студентов скроется за массивной дверью и только тогда она повернулась ко мне.

– Вы слишком много на себя берёте, профессор, – помрачнела она. – Куда вы ведёте студентов группы И-666?

– Я должен перед вами отчитываться? – хмыкнул я. – Это мои студенты и моя ответственность, которая никаким боком вас не касается.

Такая забота, что даже страшно. Не впечатлившись грозным взглядом, я пошёл к выходу.

– Ректор узнает об этом инциденте, – обронила Труберг мне в спину.

– Прекрасно, – я не собирался поворачиваться, – он как раз успел по мне соскучиться.

Хмыкнув, я вышел во двор и быстрым шагом направился ко второму полигону.

– Итак, чему вас учили до этого? – Сбросив сюртук на деревянную скамью, я отправил вслед за ним жилет, закатал рукава рубашки и, отстегнув от пояса стааш, обернулся к группе. И-666 дружно шагнула назад.

– Определитесь, ненавидите вы меня или боитесь. – Хмыкнув, я демонстративно положил стааш поверх жилета. – Малин, усиль щиты.

Сфера вокруг полигона, до этого видневшаяся едва заметной дымкой, налилась цветом, появились, время от времени пробегающие по ней разряды. Студенты переглянулись, Аделин Киндерен со скучающим видом уселась на ближайшую скамью и достала тетрадь и карандаш.

– Повторяю вопрос, чем до меня вы занимались на контроле? – Группа отмалчивалась, но слабые звенья присутствовали и в ней. Я кивнул на тощую и невзрачную студентку, которая судорожно прижимала к груди тетрадь. – Имя.

– Аста Ширкан, – прошелестела она, и пальцы добела сжались на тетради.

То есть бунтовать мы готовы, а как на вопросы отвечать, то сразу самые запуганные?

– Лиерра Ширкан, что вы делали на последнем занятии, которое вёл мой предшественник?

– Мы... – она оглянулась на одноклассников, но те по-прежнему отмалчивались. – Мы дышали.

– Что?

И это себя я считал не предназначенным для преподавания?

– Ну, дышали. – Лиерра Ширкан вздохнула и подняла глаза. – Профессор Санбург считал, что стихия зависит от внутреннего покоя и учил нас дыхательным упражнениям, которые могли бы успокоить.

– И как, помогло? – смерил я группу откровенно издевательским взглядом. – Ладно. А чему учил тот, что был до Санбурга? Льер?..

– Дальберт Мерлинг. – Этот оказался на удивление спокойным, слишком даже, учитывая кто они, где и что выход из академии гарантирован не всем. – До профессора Санбурга нам преподавал Тиррен Кевинбург.

– Кевинбург? – Его-то как сюда занесло? – Сын одного из имперских генералов?

– Старший, – кивнул Мерлинг, а я присвистнул. Глаза бестолковых студентов от герцогских манер расширились дальше некуда.

Неужели и мы были такими наивными?

Вспомнив Ара и Эла, которые на первой же лекции выбили окно, затеяли драку и довели профессора до нервного тика, я усмехнулся. Вот уж какими, а наивными мы не были точно.

– И чему вас научила такая известная персона? – Причём известная в основном разгульной жизнью и скандалами со знаменитым отцом. Группа снова переглянулась, но уже смелее. И не скрывая смешки. – Давайте-давайте, я жду.

– Профессор Кевинбург считал, что лучшей методикой контроля является смех... и сон. Он заставлял нас спать прямо во время лекций, сам подавая пример, – фыркнул Мерлинг.

– И смеяться тоже заставлял, – мрачно отозвался Брабург под кивки остальных. – Он считал, что это снимает напряжение.

Рианы, да по сравнению с ними я преподаватель от бога.

– Ясно, – тяжело вздохнув, я обвёл взглядом всю группу. И вспомнил про ещё одну студентку. – Лиерра Киндерен, не желаете к нам присоединиться?

– Спасибо, мне и здесь хорошо, – бесстрастно отозвалась она, не поднимая головы.

– Так же хорошо, как будет без оценки в дипломе по одному из основных предметов? – И вот над этим мне предстоит кураторствовать? Да мы же поубиваем друг друга. Или она меня, что в наших условиях гораздо вероятнее.

– Именно.

Бесит, но ладно, у меня ещё будет время разобраться с Киндерен, а пока...

– Лиерра Ширкан, к мишени.

– Нет, вы точно издеваетесь. – Устав удивляться, я сцепил пальцы в замок и обвёл тяжёлым взглядом группу И-666. Радовало, что им хотя бы стыдно. – У вас точно есть что контролировать?

Шёл второй час занятия. Удачно получилось – и у меня, и у них после контроля имелось окно, которым я нагло воспользовался, потому что вот эти их способности – это шаргхов провал.

И ведь как хорошо всё начиналось. Аста Ширкан долго мялась, но, в конце концов, выдала тоненькую струйку. Да, мимо мишени. Да, я бы и стихией это не назвал, но выдала. Даже если она не долетела до светящегося, зависшего в воздухе круга, то вода хотя бы была. А вот дальше начался цирк.

Ни один из следующих шести студентов группы И-666 не смог ничего. Вообще ничего. Ни хиленького ветра, ни искры, ни капли из себя выдавить! На третьем студенте мне надоело торчать рядом с ними, контролируя то, чего нет, и по примеру лиерры Киндерен, я сел на скамью, уперев локти в колени.

И вот этих боится большая часть империи?

Даже смотреть стыдно.

Опустив взгляд, группа И-666 молчала. Ровно стояли разве что Мерлинг, да ещё одна студентка, с которой я ещё не успел познакомиться.

– Поставим вопрос по-другому. Кто считает, что сможет попасть в мишень? – Выпрямившись, я указал рукой в сторону светящегося круга. – Шаг вперёд.

Трое. Трое из тринадцати стихийников уверены в своих силах. Или думают, что уверены. Хотя, постойте, их же четырнадцать.

Поднявшись, под взглядами оживившихся стихийников я быстрым шагом дошёл до своей подопечной и встал так, чтобы закрыть ей свет.

Фокус не сработал, Аделин Киндерен захлопнула тетрадь раньше, чем я успел понять, что там нарисовано.

– Лиерра, может быть вы? – Я взмахнул рукой в сторону мишени. – Покажете своим одноклассникам что умеете?

– Нет.

И это всё?

– Я настаиваю, лиерра. – Требовательно протянув ей ладонь.

– Настаивайте, – равнодушно пожала плечами Аделин Киндерен, игнорируя мою руку.

– Аделин у нас знаменитость, – вылезла та самая уверенная, но пока безымянная студентка, – она никогда не практикуется. Видимо, боится в очередной раз кого-нибудь убить.

Довольные смешки, злорадные взгляды. Вот уж точно знаменитость.

– Знаете что такое паучья оспа? – Повернулся я к ним с поднятой бровью и улыбкой. Самые умные сразу заткнулись, у остальных веселье быстро сошло на нет. – Могу показать.

Несколько долгих секунд они осознавали намёк, а потом и самая языкастая опустила глаза.

– К следующему разу всем вспомнить и записать не меньше десяти случаев, когда у вас случались стихийные выбросы. Свободны. – Моим голосом можно было замораживать, и нестройной недовольной гурьбой группа И-666 поплелась на выход. – А вас, лиерра, я попрошу остаться.

У неё и перчатки из укавируса? Потому что рука, удержавшая Киндерен за запястье, чувствовала характерную для огромного червяка треугольную форму чешуи.

Столкнувшись со светлым и злым взглядом, я понял, что сейчас будет если не опасно, то интересно точно. И не прогадал, когда она дёрнула руку на себя, другой вытащила кинжал и явно собралась высказать претензии, но...

– Нападение на преподавателя? – завернув одну руку, а вторую с кинжалом прижав к её же горлу, фыркнул я ей в ухо. Защитный воротник страховал от порезов, так что об этом можно было не волноваться.

– Самооборона.

Ударив ногой назад, она вывернулась из захвата... и снова оказалась прижата ко мне. На этот раз с вывернутыми за спину руками, грудью к груди.

– Нападение, – хмыкнул я, а Аделин зло сдула с лица сине-красную прядь. – Причём на куратора.

– Это ненадолго. – Она дёргается раз, другой, но куда там. Лиерра Киндерен хоть и оказалась с сюрпризом, но не таким, чтобы я не справился. – Отпустите.

Показательно подняв руки, я отступил на шаг, довольно глядя на злую и взъерошенную подопечную.

– Утопишь? – с откровенной издевкой.

Вместо ответа Аделин вскинулась. На короткое мгновение в её взгляде появилось отчаяние на грани слёз, но она быстро подменила его яростью. Подхватив сумку, Аделин быстрым шагом направилась в сторону выхода и скрылась с глаз, а я всё ещё стоял и смотрел. Встряхнулся. И пошёл забирать вещи.

– Малин, оповести лиерру Киндерен, что сегодня у неё занятие с куратором. В подвале в семь.

– Слушаюсь, – бесстрастно отозвалась Малин и исчезла.

А мне некстати подумалось, что кураторство очень даже забавная вещь.

Глава 6

– Ты сделал что?! – шипел мне Арек за ужином. – Совсем рехнулся?! Она же... она...

– Она что? – хмыкнув, поднял я взгляд от тарелки.

– Ничего, – буркнул Арек, нервно крутя в руках вилку. – Но объясни, зачем тебе занятие с лиеррой Киндерен?

– Потому что мне её подсунил ректор? – с насмешливо поднятой бровью. – И, вообще, откуда столько нервов? Или всё-таки ревность?

– Да ну тебя, – всерьёз обиделся Арек, отодвигаясь.

– Шучу я, шучу. – А зал продолжал гудеть, обсуждая, строя предположения, как и когда оскант окажется в их доступе. Надо написать деду, возможно, он в курсе, с чего вдруг Лориан III так расщедрился. – Слушай, а что она делает на твоих занятиях?

Но Арек молчал и показательно смотрел в другую сторону.

– Да брось, это же комплимент, – прищурился я. – Представь, сколько надо храбрости, чтобы просто к ней подойти, не то, что влюбиться.

Но проходили секунды, а толку не было.

– Ладно, – с тяжёлым вздохом. – Как у вас тут мирятся? Клянутся в вечной дружбе? Обещают заменить на занятиях? Делятся кураторством?

– Кураторством? Лучше объясни, что ты здесь, вообще, делаешь? – Со злым прищуром всё же повернулся он. – Деньги тебе не нужны, учить тебя явно не тянет. На них, – он махнул рукой в сторону студентов, – тебе тоже наплевать. Так что? Что привело сюда, на самый край мира, в общество отщепенцев такого, как ты? С горами золотых кранлей, титулом герцога и императором в друзьях?

Вот с императором он промахнулся. Уж от кого, а от Лориана Оришанского предпочитали держаться подальше даже Ар с Элом – его, между прочим, родные племянники.

– Любопытство. – С интересом глядя на него, я откинулся на спинку стула. – Изучить повадки врага, найти слабые стороны и ударить по самому больному месту. Ведь я всё ещё боевой маг, и все ещё готов их уничтожить.

И если раньше Арек бывал рассеянным, напуганным, негодующим, то сейчас... сейчас он стал странным. Его взгляд метался по моему лицу, словно гадая, всерьёз ли я. А я всерьёз?

Не знаю. Больше да, чем нет. Ведь стоит мне вернуть магию, и академия снова лишится преподавателя по контролю. Просто потому, что задерживаться здесь дольше необходимого я не собираюсь.

– То есть вот так? – Настороженный и тихий вопрос. – Вместо того чтобы помочь этим детям, ты используешь их и сбежишь?

– Детям? – Криво усмехнувшись. – Ты про них? – Издевательский кивок за спину.

– Хватит. – Арек вдруг решительно тряхнул головой и отложил приборы. – Ты просто...

– Я просто называю вещи своими именами, – холодно и отстранённо. – Единственный из вас, добрых и ласковых наставников. И я буду злым, – резко подавшись вперёд, – если вы не можете. Если считаете, что убийц, которых из этих детей чуть ли не половина, нужно холить, лелеять и гладить по головке. Если не можете объяснить всем этим бедным и несчастным, что они убили. И продолжают убивать, если не научатся здесь хоть чему-то.

– Ты ни шаргха в них не понимаешь! Это дети...

– Они перестали быть детьми после первой чужой смерти, – усмехнувшись, я выпрямился. Взял салфетку, скомкал её, снова бросил на стол. – А у убийцы нет ни пола, ни возраста. Есть своё кладбище, но только от них будет зависеть, насколько оно вырастет. И есть вы, – кривая улыбка, – защитники, поборники нравственности и самые сострадательные маги в империи.

– И что предлагаешь ты? – Арек сжал руки в кулаки и понизил голос до шёпота. – Никаких вторых шансов? Никакой учёбы? Или, может, сразу всех в Гвинбор²? А, может, казнить, да и всё? Чтобы вам, привилегированным боевым магам, руки не пачкать.

– Некоторых стоило бы.

– И кто это будет решать? – Вид у Арека до того несчастный и праведный одновременно, что на мгновение я даже вспомнил, что такое совесть. – Ты?

– Почему бы и нет, – легко пожимая плечами. – Если ваша комиссия выпускает отсюда тех, кого мы потом должны ловить.

– Да ты... ты просто... – давясь словами, Арек поднялся, но так и не смог ничего сказать.

Вместо этого он смерил меня разочарованным взглядом, раздражённо выдохнул и ринулся на выход. Естественно, дважды запнувшись в процессе. Наблюдая за этим цирком, я хмыкнул, спокойно доел и, насмешливо улыбнувшись Оттельбергу, тоже покинул столовую.

Вестников деду и Ару я отправил за пятнадцать минут до назначенного лиерре Киндерен времени, а после решил, что неплохо бы подготовиться и пошёл одеваться.

И не знаю, что там насчёт стихий, но простенькие заклинания обычных магов костюм из укавираса отражал. Те же, что посерьёзнее теряли силу если не вдвое, то хотя бы на четверть, а в моём случае это значило очень много. Сташ тоже привычно пристегнулся к поясу – я не дурак, чтобы идти на такое свидание без оружия.

А дальше в ход пошли защитные артефакты – перстень, широкий кожаный браслет на левую руку, брошь, прицепленная к внутренней стороне куртки. И это без учёта кулона, скрытого под одеждой, который висел там на самый крайний случай.

Всё потому, что дед не хотел терять внука, а я не хотел потерять жизнь. В комплекте с магией это был бы явный перебор, поэтому вместе с моими вещами к стихийникам приехал небольшой, но ценный ящик. И многие убили бы за то, чтобы заполучить его содержимое.

Усмехнувшись, я вернул дедовские артефакты на место – деревянный ящик удачно подпирал кровать, заменяя сломанную покосившуюся ножку.

А через несколько минут я уже входил в один из подвальных классов. Интересно, придёт или нет? У обоих вариантов имелись равные шансы. В нашей академии тоже можно было не прийти на занятие и получить справедливый выговор, но после трёх выговоров отчисляли, здесь же дела обстояли несколько сложнее. В соответствии с уставом, выговоры стихийникам назначали, но толку-то. Их уже наказали так, что дальше некуда – обязали учиться здесь, а всё остальное... вряд ли им так уж страшна уборка, помощь лекарям или на кухне. Разве что самым высокородным, если такие здесь учились.

Семь ровно. И всё ещё пустой класс.

Хотя, как класс. Здесь не было окон, не было мебели, даже самой плохой полки не висело. Зато, обитые чем-то мягким стены и пружинящий пол создавали специфическую атмосферу, неуютную и вызывающую опаску. И тем бредовее смотрелась зеркальная стена, в которой отражался весь немаленький зал.

Бросив куртку на пол, я остался в чём-то вроде жилета на металлических заклёпках, а после проверил браслет. Артефакт не радовал, мерца жёлтым. То есть у меня от силы одно-два слабеньких заклинания. Мда. Возможно, и правда, не стоило торопиться с кураторством. Тем более таким.

И, если лиерра Киндерен решит не приходить, это будет неплохим выходом для нас обоих. Неплохим выходом для меня, потому что её за это наградят отработкой, но, так и быть, я поспособствую, чтобы отправили непонятную лиерру на кухню, а не в какой-нибудь зверинец.

² Гвинбор – антимагическая тюрьма в горах. Построена в основном для стихийных магов.

– Малин, лиерра Киндерен.

– Оповещена, – мелодично пропел шарик. – Проверить местонахождение?

И испортить весь план?

– Не надо.

Малин исчезла, а я подошёл к зеркалам.

Очень давно я не занимался вот так, лицом к лицу с самим собой.

Первые месяцы первого курса мы только и делали, что всей группой любовались в собственные отражения. Зачастую сине-фиолетовые отражения, потому что куратор Блекхендберг хоть и была женщиной и, в теории, леди, но измываться над нами это ей не мешало. И тренировочные бои у нас проходили занятно – без защиты, без артефактов и без магии. В расчёте только на собственную силу и ловкость. И, да, босиком и без рубашек.

Так сильнее урон и так быстрее учишься, если, конечно, не нравится ходить в виде одного большого синяка.

Нам не нравилось. Поэтому и на полигоны нас перевели в рекордные для академии сроки – уже к зиме мы тренировались только на улице. Снег, дождь, грязь? Арину Блекхендберг, когда-то лекаря, а позже боевого мага, вскрывшую свою силу в позднем возрасте на войне с фаркасами, наши удобства не заботили. И зеркала закончились сразу, как она поняла, что стойки мы выучили и что не окочуримся, занимаясь по колено в сугробах.

И за это ей большое спасибо.

Потому что восстанавливался после антимагической ванны я на одном усилии воли. И на понимании, что сказала бы куратор, увидь меня слабым и с трясущимися мышцами. И что заставила бы делать.

Хмыкнув, я потянулся к поясу и отстегнул стааш.

Укороченный жезл с бериллом в намерении привычно лёг в ладонь. Провернулся в руке, подчиняясь движению пальцев. Описал резкий круг, повинуюсь. И едва сдерживаемый, застыл в руке. Словно чувствовал, что вокруг полно тех, на ком не помешало бы испытать действие стааша.

Пять минут восьмого.

Лиерра Киндерен потерялась в академии, где живёт пятнадцать лет?

Не став терять время на подопечную, которая теперь уже точно не придёт, я начал разминаться.

И остановился, лишь услышав три громких хлопка за своей спиной. Откровенно издевательских и, откинув со лба прилипшие волосы, я поднял взгляд.

– Опаздываешь.

– Стоило уточнить, в каком именно классе будет проходить занятие. – Лиерра Киндерен пересеклась со мной взглядом на короткое мгновение, а после бросила сумку рядом с моей курткой. – Профессор Шалинберг.

В зеркале отражалась всё та же студентка – наглухо зашитая в костюм из укавираса и не желающая никого слушать. И слушаться. Хотя то, что она здесь уже можно было считать успехом.

– На наших занятиях можешь звать меня по имени и на «ты». – Я повернулся, чтобы посмотреть на реакцию.

– Бегу и падаю, – фыркнув, не разочаровала Аделин.

– Если ничего другого ты не умеешь, – иронично подняв бровь, – так и быть беги. Можешь даже падать, только для начала...

– Я не собираюсь выполнять приказы, которые...

– Раздевайся. – Она так и застыла с открытым ртом и широко распахнутыми глазами. – Сама. Или я заставлю тебя это сделать.

Глава 7

– Что? – с застывшей улыбкой переспросила Аделин.

– Я думал у вас здесь проблемы с магией, а не со слухом. – Я прицепил стааш к поясу. – Малин, усишь щиты до предела, опечатай дверь и шли сигналку, только если дойдёт до второго уровня опасности.

– Кому послать заклинание? – Всё так же дружелюбно отозвалась душа без души.

Забавно. Будь Малин живой, насколько это возможно, отклик был бы куда более эмоциональный. Да даже отбитые близнецы Делаберги послали бы меня с такими выходками, но, раз уж лиерра явилась на занятие, глупо не проверить на что она способна.

– Ректору и... Ареку Вердебургу.

Если Оттельберг ещё может бросить меня на растерзание стихийнице, то в Ареке, даже злом и обиженном, точно разыграет совесть. И хорошо, что хотя бы у кого-то в этой академии она есть.

– Что вы делаете? – Помрачнела Аделин и отступила к двери, но поздно.

Чем мне ещё нравилась Малин, так это расторопностью. И неспособностью думать, лишь выполнять приказы.

– Итак, – широко улыбаясь, – начнём с перчаток?

– Вы рехнулись! – выдохнула Аделин. Оглянувшись, она повернулась спиной к стене и шагнула левее.

– Даже не начинал. Лиерра Киндерен, будьте так любезны, снимите перчатки. – Склонив голову набок, я шагнул к ней.

Аделин продолжила отступление. В угол. Может, стоит сказать ей, что это не самая лучшая позиция для обороны?

– Нет, – решительно тряхнула она головой, коснулась волос, и они свернулись в уже виденный мной пучок.

Она серьёзно собирается со мной драться?

– Это приказ куратора, Киндерен.

– Да хоть императора, – огрызнулась она и отцепила от пояса кинжал. Тоже уже виденный.

– Не поможет, – кивнул я на руку с зажатым оружием. – Как не помогло на полигоне.

– А я попробую, – стиснув зубы.

– В чём проблема? – Я остановился в нескольких шагах от неё, осмотрел с ног до головы, поднял бровь. – Твои руки в шрамах? Перчатки вросли в кожу? У тебя там чешуя?

– Даже если так, вы об этом не расскажете. Не подходите! – И предупреждающий взмах кинжалом, от которого я просто уклонился.

– Недавно твои одноклассники пытались убедить меня в собственном могуществе, – отозвался я со смешком, – жаль, не получилось. А теперь угрожаешь ты, только всё ещё не страшно.

– Вы ничего не знаете, – мрачно. – Даже представить не можете, чем это грозит.

– Так покажи. – Ещё шаг. – И потом, Киндерен, ты точно хочешь выговор и отработку?

– Уже лучше они, чем... – Заминка, затравленный взгляд и дрогнувшие на кинжале пальцы.

Усмехнувшись, я скрестил на груди руки.

– Чем что? Моя смерть? Что же, лиерра, с одной стороны забота о моём здоровье греет душу, но с другой...

Рывок, лёгкий удар по руке только чтобы выбить кинжал, захват. Исключительно нежный и аккуратный, чтобы потом Оттельберг не выгнал меня из академии за увечья студентам.

– Я – боевой маг, Аделин, – насмешливо ей на ухо, – который не один раз бился с такими, как ты. Почти такими – те были злее, опаснее и безумнее. И я хочу знать, насколько правдивы ужасики о вашей академии.

Разжав руки, я легко подтолкнул её вперёд, одновременно отступая. И примирительно поднял ладони, встречаясь с взбешённым взглядом.

– Ты не победишь меня, пока не снимешь перчатки. Ты не выйдешь отсюда, пока не снимешь перчатки. Ты не убьёшь меня...

– Пока не сниму перчатки, – скривившись, закончила она. – Кто, вообще, додумался устроить вас преподавателем?

Да много кто. Не все были этому счастливы, но кто бы спрашивал.

Долгий и внимательный взгляд на неё вдруг подал интересную идею.

– А, знаешь, я расскажу тебе, как здесь оказался, – насмешливый прищур. – Если снимешь перчатки.

– Да сдались они вам! – Раздражённо взмахнув руками, Аделин отошла к зеркалам, подальше от меня. Прошла туда-сюда, раздражённо фыркнула.

– Я видел тебя в парке, ты вырастила розу без всяких перчаток. – Злой взгляд в ответ. – Так что мешает повторить?

– Я была одна.

– Как видишь, нет. – Я вздохнул и отбросил со лба отросшую чёлку. – И, вообще, Киндерен, не беси меня. Раз уж я твой куратор, то давай показывай.

– А рассказывать? – ехидно откликнулась Аделин. – А то потом может быть некому.

– Расскажу, если пообещаешь, что эта сплетня не пойдёт по академии.

– На нас не действуют ваши неразрывные клятвы, – разом потеряла она интерес к разговору.

– Хватит простого «обещаю», – хмыкнул я. – Смотри.

Повернувшись лицом к ближайшему магическому светильнику, я набросил на него заклинание. Светильник погас. Вот только от следующего заклинания уже не зажегся.

– И что это значит? – недовольно.

Ах, да, Аделин ведь не Аурелия, стихийнице не дано видеть плетения заклинаний.

Вместо ответа я подошёл к ней и поднял руку на уровень лица.

– Браслет видишь?

– Допустим, – нахмурилась Аделин. И сделала бы шаг назад, но оказалось просто некуда.

– Светится?

– Нет, – после недолгой паузы. – Как, вообще, связаны какой-то браслет и ваше преподавание?

– Не так давно я потерял магию и очень может быть, что навсегда. – Усмехнувшись, я опустил руку. – Как понимаешь, с карьерой боевого мага пришлось завязать, и поэтому я здесь. Чтобы хоть как-то использовать полученные в академии знания.

– Магию? – Аделин высматривала во мне что-то, но, судя по хмурому взгляду, не находила. – Но у вас же есть резервы. То есть накопители, или как они там называются.

– Только смысла в них нет. – Я вернулся к куртке и накинул её поверх жилета. – Магия отказывается проходить через моё тело. И ничего не изменится, даже если я обвешаюсь накопителями с ног до головы.

– Стойте. Но как вы собираетесь нас учить, если не можете... ничего? – Вскинула она ошарашенный взгляд.

– Так и вы ничего не можете, – фыркнул в ответ. – Так что считай, мы нашли друг друга. Минуту-другую она осмысливала новости, а после мне надоело.

– Киндерен, ау. – Я встретился с пустыми глазами. – Мы договаривались.

Затормозено кивнув, Аделин медленно стянула перчатку с левой руки, с правой. А потом до неё дошло, но поздно. Я всегда был быстрым. И сейчас, развернув её к зеркалу, перехватил руки за запястья. Может, магически она и сильнее меня, но весовая категория оказалась явно не та.

– Я же вас убью. – В панике дёрнулась она. – Пустите!

Кстати, очень может быть, потому что мои ладони начали ощущать нездоровый жар от её кожи. Слава рианам, что хоть кто-то в этом месте действительно что-то может.

– Смотри, – приказал я и встряхнул её. – В зеркало смотри. – Мой спокойный взгляд схлестнулся с паникующим её. – Ты права, ты меня убьёшь.

Потому что, пока она дёргалась, вокруг разливалось настоящее море, а терпеть жар становилось всё сложнее.

– Утопишь, сожжёшь – как получится, – вкрадчиво на ухо и не отводя взгляд. – И это снова будет твоя вина.

Аделин попробовала вырваться, но паника плохой советчик, да и держал я крепко. А воды набралось уже по колено в ни разу не маленьком зале, и на ладонях после моих развлечений явно останутся волдыри.

Опять же вылечат меня потом быстро, а вот когда ещё раз удастся пробить её на эмоции – большой вопрос.

– Все будут коситься. Снова. Бояться, уходить, показывать пальцем. Ты останешься одна.

– Не отпуская её взгляд, я видел и увлажнившиеся глаза, и зло искривившиеся губы. – Опять. Как тогда, когда тебя бросили сюда и забыли.

– Хотите самоубиться за мой счёт? – Последняя попытка казаться равнодушной.

– Это вряд ли, – высокомерно усмехнулся я. Занятная беседа отвлекала даже от горящих рук. – Вы же все тут обиженные жизнью. Настолько, что трусливо прячетесь за высокими стенами и спиной старика Оттельберга...

– А у нас есть выбор?!

Наконец-то. Зеркала взрываются осколками, а меня отталкивает на два шага ударной волной. Ничего не бьётся просто потому, что нечему, и Аделин медленно разворачивается, а за ней... я не удерживаюсь от присвиста.

За спиной лиерры Киндерен, объятые пламенем, жар которого я чувствовал даже на своём месте, зеркальные осколки плавилась прямо в воздухе. Плавилась, изменяясь, превращаясь в обоюдоострые кинжалы, практически неразличимые на фоне стены.

– Теперь смешно? Доигрались? – яростно шипит Аделин.

И дрожит пол – земля пытается подчиниться, несмотря на все щиты. И бушует пламя. И вода, подчиняясь движению её рук, скручивается в воронки – угрожающие,двигающиеся прямо на меня.

И вот красиво.

Раньше как-то не замечалось – стихийники, которых мы помогали ловить, не давали времени на рассматривание. Там бы увернуться, закрыться и не дать уйти, а не стоять и смотреть, как разворачивается древняя, сотворённая самими рианами сила. А здесь получалось.

И смотреть, и даже слегка восхищаться.

Потому что Аделин шло. И капли, зависшие вокруг стройной фигурки, и огненные языки за спиной, и мерцающие в свете этого безумия зеркальные то ли иглы, то ли кинжалы.

Если выживу, надо будет всё же довести группу И-666 и посмотреть, на что они по-настоящему способны.

А тем временем воронки, про которые как-то подзабылось, резко схлестнулись со всех сторон, пытаясь меня уничтожить, но рассеялись, врезавшись в созданную артефактом защитную сферу.

– Это всё или есть что поинтереснее?

Глава 8

Вместо ответа меня ждали резко сведённые руки и яростный рёв пламени. Мощный шквал огня ударил туда, где ещё мгновение назад стоял я. Кувырок, отскок, ещё один. Так развлекаться я мог бы долго, а вот насколько хватит её очень даже интересно.

Снова отскочив от прицельного огненного плевка, я как-то не ожидал увидеть за спиной водяную удавку, но щит сработал как надо. Жаль только, что после этого мигнул в последний раз и погас.

Нет, дед, конечно, говорил, что понадобится время на перезарядку, но то, что так быстро как-то умолчал. Подозреваю, что он был бОльшего мнения о моих умственных способностях и не рассчитывал на целенаправленное доведение мной стихийников до невроза. Особенно таких стихийников.

Двигаться сразу пришлось быстрее, а от водяных ловушек избавляться с помощью стааша. При соприкосновении со стихийной магией берилл в намерении нарушал магическую структуру, даже если сами стихийники утверждали, что не используют заклинания. Может, и нет, но их воля и воображение создавали магические импульсы, которые и управляли выбранной стихией. Мы для того же пользовались заученными схемами и словесными формулировками.

Так что, несмотря на разность подходов, принцип был одним, и стоило ткнуть в очередную водяную воронку стаашем, как она разлеталась каплями, облегчая мне жизнь.

– Киндерен.

Но она уже не слышала, поглощённая собственной силой. Пол вздыбился в том месте, где стояла Аделин, саму же её окружало сине-красное потрескивающее магическое поле. В глазах царила пустота, а руки жили своей жизнью, управляя окружающим безумием.

Блеск. В следующий раз надо бы составить завещание перед очередным кураторским занятием.

Хмыкнув, в три прыжка, два кувырка и ещё пару уклонений я оказался совсем рядом со стихийницей, но забыл. О зеркальных иглах длиной с локоть забыл, в отличие от Аделин, которая взмахом руки пустила треть из них в меня. В меня – без щита, без магии и, похоже, без мозгов.

Представив, в каком ключе высказались бы близнецы в ответ на такую смерть, я очень постарался выжить. Получилось хуже, чем планировалось – пару игл всё же задело по касательной, и от серьёзных увечий спасла только куртка. Отстегнув от пояса стааш, я рванулся к Аделин и встретился с затянутым безумной пеленой взглядом. Жезл всё же коснулся её руки, вспыхнул, гася стихийный всплеск, но слегка запоздал.

Потому что за мгновение до того, как Аделин обмякла, падая на пол, бывшие осколками зеркала иглы, подчинились её последней воле. И насквозь прошили чешую укавируса.

Приглушённые голоса то и дело прорывались в мутную пелену беспамятства. Было то жарко, то холодно, но всё время мокро. Это и взбесило.

– Рик, ты... стой! Стой, куда?! – Сильные руки перехватили за плечи и заставили не двигаться. – Нельзя. Не дёргайся.

– Шаргхова ванна, – прохрипел я и открыл глаза.

Неяркий свет резанул по ним болью, но лучше так, чем снова сидеть в какой-то воде. Или не воде, судя по тому, как судорожно руки Арека стискивали мои предплечья, не давая встать.

– Она тебя лечит, – уверил Арек. – Только она и может, потому что заклинания...

Ах, да, ещё один минус моего нового статуса – чужая магия через моё тело тоже плохо проводилась. Потому и с лечением возникали сложности.

– Ненавижу ванны, – выдохнув сквозь зубы, я перестал дёргаться и откинул голову на бортик. – Что в ней?

– В основном алеол, – отозвался Арек. – Есть ещё какие-то заживляющие и укрепляющие травы, но совсем чуть-чуть.

– И сколько мне, – голос охрип напрочь, и пришлось откашляться, – сколько здесь лежать?

– Я не лекарь. Придёт – спросишь.

Судя по скрипу и шагам, он поднялся со стула и начал ходить по комнате.

– Прекращай злиться, – хмыкнул я и зашипел от боли, пронзившей грудь. – У нас разные подходы к обучению, но мы оба учим, и учим успешно, в отличие от других.

– А успешно это значит продырявиться в решето?

– Подумаешь, пара игл...

– Восемнадцать, – ехидно перебил Арек. – И пробитые лёгкие, печень, желудок. Скажи спасибо, что до сердца не дошло.

– У меня его просто нет, – насмешливо фыркнул в ответ.

– Мозгов у тебя нет! – яростно зашипел он. Что, правда, так переживал? – Малин явилась с сообщением, что в подвальном классе второй уровень опасности и ты, вот только ты же приказал опечатать дверь. И так качественно это исполнил, что ни Малин, ни ректор не смогли её открыть!

– В смысле не смогли?

Открыв глаза, я подтянулся в ванне, принимая сидячее положение. Всё от шеи до пояса зашипало и заболело, но приходилось терпеть ещё и не то. Бросив взгляд на собственную грудь, я не увидел ни бинтов, ни повязок – только кожу и множество красных дырок. Восемнадцать.

– В прямом! – рявкнул Арек, оглянувшись, устало потёр переносицу. – Малин не удалось вскрыть собственную защиту. Ректор пытался открыть дверь, но тоже не прошло. Всё, что оставалось – ждать и слушать Малин про первый уровень и запредельную концентрацию магии в отдельном взятом классе.

– Подожди, но как... – Заныли виски, хотя в голову точно ничего не попадало. – Я приказал Малин опечатать дверь и усилить щиты. И предупредить тебя и ректора, когда стихийный выброс достигнет второго уровня. Объясни мне, как привязанный к академии дух не смог открыть собственные замки?

Арек лишь развёл руками.

– Невозможно, но факт. Мы были бессильны и просто ждали.

– Чего? – С подозрением, что ответ мне не понравится.

– Смерти одного из вас, – мрачно подтвердил Арек. – Только после этого перестали бы действовать все заклинания в пределах этажа, и, когда дверь открылась... – он мотнул головой.

– Так и скажи, что вы надеялись на мой труп, – хмыкнул я, подтягиваясь на руках.

– Не смешно, – буркнул Арек. – Что ты опять делаешь?!

– Мне надоело здесь сидеть. – Пришлось напрячься, чтобы выбросить тело из ванны. Ноги слушались плохо, но и это пройдёт. – Что с Аделин?

– Лиеррой Киндерен? Всё нормально. Да прекрати ты! – Он метнулся ко мне и попытался поднырнуть под руку.

Вместо этого поскользнулся в луже, которая с меня натекла, взмахнул руками, отступил, сбил стоящий за ним стул и с трудом выровнялся.

– Сколько я прохлаждался в этой ванне? – Кивок за спину. Сдернув с ближайшей кровати простынь, я наскоро вытерся. Взгляд наткнулся на стопку чистой одежды.

– Часов девять, – неуверенно отозвался Арек.

– То есть ночь. – Быстро раздевшись, я натянул чистую рубашку и брюки. Было неприятно, было тяжело сгибаться, но не настолько, чтобы не справиться. – Алеол действует в течение пяти, край шести часов, так что мог смело будить меня ещё три часа назад.

– Ты псих, – выдохнул Арек, качая головой, стоило мне повернуться.

– Всего лишь боевой маг, – криво усмехнулся я, подхватил стааш и направился к выходу.

– Где она?

Арек пытался подстроиться под мой шаг, но получалось плохо. Пользуясь тем, что ни одного лекаря не попалось на пути, я свободно вышел из лазарета.

– Кто? – с начинающейся отдышкой спросил Арек.

– Где живёт лиерра Киндерен?

– В общежитие. Наверное. Да откуда я знаю!

Тяжело вздохнув, я остановился прямо посреди двора. Пустого двора, потому что даже стихийники, какими бы пристукнутыми не были, в пять утра ещё спали.

– Малин, где мне найти лиерру Киндерен? – Но светящийся шарик внезапно не явился, проигнорировав призыв. – Малин.

Нет, не показалось. Академический помощник нагло игнорировал то ли меня, то ли мои приказы, то ли всё вместе. Прищурившись, я требовательно посмотрел на Арека. Тот нервно сглотнул.

– Позови её, – попросил, когда он сделал вид, что не понял взгляда.

– Слушай, давай ты вылечишься, а потом...

– Я здоров.

– У тебя кровь, – с укором покачал он головой, и я опустил глаза.

– В каком месте? – Рубашка была чистой и белой.

– На спине, – вздохнул Арек, поёжился от порыва ледяного ветра, плотнее закутался в тёплую мантию. – Там, знаешь ли, тоже восемнадцать дырок. Пошли обратно, а? – Предложил он после недолгой паузы. – Ничего с этой лиеррой Киндерен не случится, её даже у лекарей не оставили, а, значит, всё в порядке.

– Пошли.

– К лекарям? – обрадовался он.

– К ректору, – усмехнулся я и пошёл в противоположную от лазарета сторону.

– Рик! – Увидев меня, Аламеда всплеснула руками и встала из-за стола. Нахмурилась, обошла меня по кругу, коснулась пальцем рубашки в районе живота. – Ты жив?

– А ты рассчитывала на что-то другое? – хмыкнув. – У себя? – Кивок на дверь кабинета.

– Да, но... – Она прикусила губу. – Ректор Оттельберг просил никого не пускать.

– Считай, что я никто, – понизив голос, я собрался её обойти.

– Нет, – шагнула вместе со мной она. – Рик, пойми, вся Академия уже в курсе. Пожалуйста, не упирайся, не спорь с ректором и тогда он просто тебя уволит, даже ищеек вызывать не будет.

Стоп. Что?

Обернувшись на Арека, я увидел и опущенные в пол глаза, и беспокойные руки, и, в целом, виноватый вид.

– Так в курсе чего вся академия?

Боль перестала чувствоваться совсем, её заменили более приземлённые чувства и бешенство стояло в числе первых.

– Что ты пытался убить Аделин, но не смог.

Я. Убить. Стихийницу с тремя силами.

Шаргхов старый интриган.

– Рик!..

Но поздно. Фактически пинком открыв дверь к ректору, который тоже решил, что самый умный, я встретился взглядом с довольным Оттельбергом.

– Я пыталась остановить, но...

– Идите, Аламеда, мы дальше сами, – по-отечески улыбнулся ей старик, и дверь за моей спиной закрылась. – Пожалуйста, проходите, мы как раз говорили о вас.

Мы?

– Рад снова вас видеть, профессор Шалинберг.

Из-за кресла с высокой спинкой поднялся ещё один маг. До тошноты знакомый.

– Ректор Оллэйстар.

Ориан Оллэйстар – ректор моей академии, известный боевой маг, друг императора и муж Аурелии когда-то Грасс.

Глава 9

– Как вы себя чувствуете, Рикард? – Оллэйстар внимательным взглядом прошёлся по мне с головы до ног. – Гарриган сообщил, что ваше лечение затянулось из-за особенностей, которые...

– Магия через меня по-прежнему не проходит, – перебил я, не собираясь разводить светские беседы. Особенно с ним. – Ректор Оттельберг, почему Малин не откликается на мои приказы?

– Я решил, что так будет лучше. – Старик холодно улыбнулся. – После того, как вы едва не убили одного из наших студентов, было бы странно оставлять вам доступ к такому могущественному источнику.

– Лиерра Киндерен жива и здорова. С чего вы решили, что я хотел её убить?

Присутствие спокойного и внимательного Оллэйстара мешало – мысли то и дело перекакивали на Аурелию.

– Вы закрылись в одном из самых опасных мест в академии – в зеркальном зале, вытягивающем из стихийных магов силу. Вы опечатали дверь, чтобы никто из нас не смог её открыть. Вы истощили лиерру Киндерен, едва её не убив. Или этого вам мало? – разозлился вдруг Оттельберг.

– Что с лиеррой Киндерен?

Всё нормально, значит? Шаргхов Арек!

– Её погрузили в сон до восстановления большей части сил, – мрачно отозвался старик. – И если вы думаете, что после этого я доверю вам хоть одного из своих студентов, то...

– Зачем вам зеркальный зал? – В академическом уставе не было ни слова, ни о нём, ни о его свойствах.

– Наши студенты не всегда молоды, – после паузы и злого сверкания глазами отозвался Оттельберг. – Некоторые категорически против обучения и их приходится... сдерживать.

– Насильно доводить до истощения, – переиначив красивые слова, усмехнулся я. – И меня вы называете убийцей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.